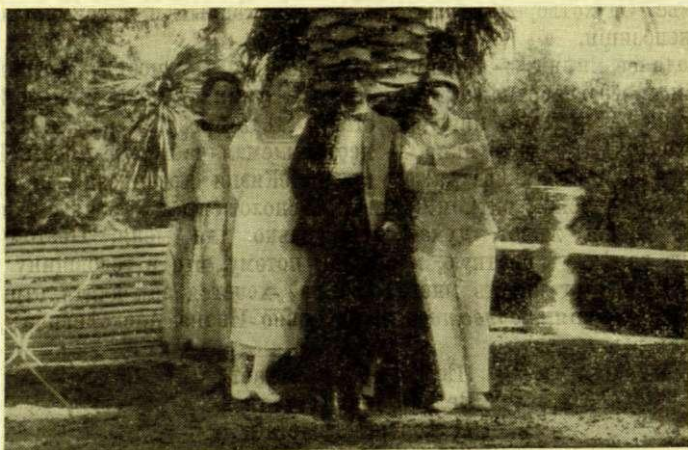

ним незнакомым ему почитателем; отмѣчаю не без гордости эту печальную мою привилегию. Вѣроятно, и написанныя его рукой слова на его книгах, подаренных мнѣ весной того года, были для него послѣдними автографами.

Разумѣется, я знаю, что все это не дает мнѣ права судить о Шмелевѣ, как о писателѣ; мѣсто, которое он занял в русской литературѣ, установлено, я полагаю, русской критикой и не мнѣ оцѣнивать его творчество с точки зрѣнія стили, быта или психологической правды. Тут я не судья. Но я хочу попытаться передать мои впечатлѣнія, вызванныя нѣсколькими встрѣчами с Иваном Сергѣевичем, возстановив в памяти то, чему я был очевидцем совсѣм вскользь, как бы сквозь щель

На югѣ Франціи в 1923 г. Слева направо: О. А. Шмелева, В. Н. Бунина, И. А. Бунин, С. И. Шмелев.

пріоткрытой двери. Сама краткость этих впечатлѣній усиливает их сфорбную живость. Теперь, когда Шмелев умер, я отдаю себѣ отчет, насколько было отмѣчено наше знакомство знаком смерти, изчезновения.

В первый раз я позвонил к нему под-вечер, случайно — в тот самый день, когда он подвергся тяжелой операци. Конечно, я не мог быть принят. Надежд на удачный исход операци было немного... Однако, он стойко вынес ее и стал даже, каким-то чудом, поправляться; еще лежа в постели, взялся за прерванную работу. Я стал его навѣщать, даже приглашен был однажды к завтраку, — за столом Иван Сергѣевич шутливо замѣтил, что этой трапезы не забудет, хотя бы потому, что за много лѣт он впервые разрѣшил себѣ роскошь — выпить вина. Рюмка Бюжолэ 1947 года (которое я захватил с собой) видимо помогла ему вынести, не слишком уставши, длительный разговор с навязчивым иностранцем.

С первых слов (мы говорили по-французски) я почувствовал, какой это человек до конца искренний и общительный. Но самым неизгладимым осталось у меня впечатлѣніе от первой нашей встрѣчи, ко-

гда, сидя у его постели, я никак не мог примирить его до невѣроятно хрупкаго облика с представлением об авторѣ прошумѣваго «Человѣка из ресторана». До чего он был тощ и безкровен! Всил всего тридцать семь кило; щеки настолько впали, что, казалось, он нарочно втянул их для какого-то звукоподражанія. Ни искры жизни в изможденной, до тла изношенной, плоти. Маленькая сѣдая бородка, ютрощая за время болѣзни, придавала лицу еще большую безивѣтность. Вид у него был необычайно древній — совсѣм изваяніе средневѣковаго мастера, апостол из слоновой кости... Нѣтъ, — из какого-то блѣднаго праха, — стоит прикоснуться и все разсыпется. Опираясь на подушки, взбитыя за его спиной, с накинутым на худыя плечи измятым тиджаком, он говорил о перенесенной операци, о близости конца и о великом милосердіи Господа. В «Ричардѣ II» Шекспира старец Джон оф Гаунт произносит знаменитую пророческую рѣчь о смерти. Теперь всякій раз, что придется мнѣ слушать эту трагедию, будет мерещиться Иван Сергѣевич на фонѣ этих бѣлых подушек, как видѣніе великому-человѣка, возносящагося к небу, в облаках.

Особенно запомнилась та настойчивость, с какой постоянно возвращался он в наших бесѣдах к смерти. Как глубоко вѣрующій христианин, он не боялся ее, но ему так хотѣлось успѣть закончить творческой труд всей жизни! Говоря о своей немощи и о возможности исцѣленія, он истово каждый раз крестился, когда упоминал имя Божье, — имя, которое он, по его словам, послѣдним из авторов Совѣтскаго Союза, писал и печатал с заглавным Б. Это было в 1920 или 1921 году. Шла ли тут рѣчь о «Неупиваемой Чашѣ» или о другом произведении — не помню. Но как показателен самый факт!

Сказать, что он продолжал жить, осѣненный смертью и с неотступной мыслью о Богѣ, — конечно, недостаточно: смерть уже опустила руку на его плечо, а тревожащій, провидящій взор, обращенный к небу, синѣвшему за окном, как будто подстерегал свѣтъ потусторонній.

И все-таки он надѣялся. Пройдя долину Скорби и Марка, он надѣялся, что ему суждено прожить еще год или два, чтобы завершить труд долгих лѣт. Вспомнит о своей недописанной книгѣ и опять — сложит свои тонкіе, безтѣлесные пальцы и широко осѣнит себя крестным знаменіем: вѣдь требовался еще год работы, по крайней мѣрѣ, для окончанія романа, который должен был сдѣлаться, как он твердо вѣрил, его лучшим произведением: «Пути Небесные». Два первых тома уже появились в печати, а когда я видѣл его в послѣдній раз, он сидѣл за пишущей машиной, заканчивая третій том. Всего, насколько я понял, должно было выйти четыре тома.

«Пути Небесные», первый дѣйствительно религиозный русский роман, — по утверждению Шмелева, — чрезвычайно заинтересовали меня. Я не увѣрен, что точно понял его мысль, но утверждал он, как будто, что еще никто из русских авторов не написал большого романа, темой для котораго служила бы духовная борьба в сферѣ христианскаго міропониманія — борьба, завершающаяся побѣдой Христовых завѣтов. Как-то он сказал мнѣ: «Всѣ болѣе или менѣе значительные русскіе романы до извѣстной степени причастны вѣрѣ, у всѣх крупных русских писателей можно найти болѣе или менѣе ясно выраженное намѣреніе создать религиозно обоснованный роман. Однако, никто еще